

Сначала он был страшно зол на Гарри за то, что тот убил пятерых членов его семьи, но и это быстро прошло, когда Чарли, вернувшийся домой сразу же после получения совы о случившемся, заметил, что Гарри сделал это не нарочно и ему будет вдвойне хуже, чем им всем.

Если так рассуждать и вспомнить, что Гарри в то время был пятнадцатилетним мальчиком, он не мог сердиться на Гарри, он даже не мог ненавидеть этого маленького мальчика, который пробрался в их семью и в его сердце как суррогатный сын. Он любил Гарри как родного, как и Молли. Он не мог ненавидеть этого мальчика, спасшего ему жизнь за месяц до нападения и спасшего жизнь Джинни. Гарри не сделал бы этого специально; он не сделал бы этого, если бы хоть как-то контролировал себя, это он знал.

Его гнев и ненависть были направлены на того, кто обратил Гарри, на человека, который, будучи Оборотнем, должен был знать, что нельзя кусать молодых людей, независимо от того, в человеческом он облике или нет. У него была большая ссора с Ремусом, но он все равно отказывался разговаривать с человеком, который укусил Гарри. Если бы он не укусил пятнадцатилетнего мальчика, Гарри бы не изменился, и половина его семьи была бы жива, но даже ненависть к Ремусу угасла после того, как он увидел, как тот сломался и принял всю вину за случившееся на свои плечи. Артур не мог заставить себя быть мстительным человеком, он никогда им не был и чувствовал себя виноватым за это, что не может ненавидеть или держать злобу на человека, из-за которого более половины его семьи преждевременно сошли в могилу.

Правда заключалась в том, что даже будь он там, он не смог бы увезти Гарри из Гриммо. Он не знал тогда, что укус человека в день полнолуния приведёт к заражению Гарри в следующем месяце, особенно после того, как он не изменился в ту ночь, когда его укусили, и даже если бы он был там, в Гриммо, в ту ночь, когда Гарри изменился, что он мог сделать против одичавшего оборотня, оказавшегося под угрозой и зажатого в угол? Два члена Ордена не смогли справиться с Оборотнем, какая у него была надежда справиться с ним? Он не был Мракоборцем. Нет, скорее всего, он тоже погиб бы, оставив трех старших сыновей сиротами и без четырех младших братьев и сестер. По крайней мере, в этом случае он всё ещё был здесь, чтобы присматривать за ними, и теперь считал это благословением. Молли была с четырьмя младшими детьми, присматривала за ними, и было вполне справедливо, что он остался со старшими детьми.

В нападении было и кое-что хорошее, во всяком случае, небольшая доля добра. Перси снова вышел на связь, потрясенный новостью о том, что половина его семьи мертва, включая мать, с которой он отказывался разговаривать больше месяца. Перси часто разговаривал с ней, каждую неделю возлагал свежие цветы на ее могилу, сидел и разговаривал с ней по часу до сих пор, спустя год после того, как ее убили.

Артур обнаружил, что скучает по всему, что было раньше: по спешке, суете, беспорядку, шуму, безумной беготне в Хогвартс первого сентября; по уютным вечерам за чтением газеты, по жене, обнимающей его и вяжущей очередной джемпер. Он скучал по смеху Джинни, дразнившей старших братьев, по тому, как она выпрашивала новое платье или пару туфель, по разговорам Рона о «Чадли Кэннонс» и его восторгу по поводу очередного пылающего оранжевого плаката, пришедшего с утренним «Пророком», по своим озорным близнецам и по разрушению, которое следовало за ними, всегда соединенными в одно целое, когда они экспериментировали в своей комнате. Он скучал по своей семье.

Не помогало и то, что прошел год, а Гарри все еще не могли найти. Об этом никогда не говорили, особенно при Сириусе, но ходили слухи, что он мертв. Январь и февраль прошлого года были особенно холодными, какая надежда на выживание была у такого тощего пятнадцатилетнего подростка, как Гарри? По прогнозам, зима в этом году будет еще холоднее. Оборотень или нет, но если Гарри еще не умер, то, скорее всего, скоро умрет, если они не найдут его до того, как выпадет снег.

Он знал, что Гарри будет чувствовать себя ужасно виноватым и злиться на себя за то, что случилось, и за то, что он неосознанно сделал, и Артур хотел сказать ему, что ему не нужно злиться или быть виноватым, что это не его вина, что никто из них не мог знать, что произойдет. Он хотел сказать своему суррогатному сыну, что не виноват в том, что произошло. Вина за это лежала исключительно на Римусе Люпине, и он хотел найти Гарри, чтобы вдолбить ему в голову, что это была не его вина. Он был слишком мал, чтобы брать на себя вину взрослых, ему было всего шестнадцать, а он уже не мужчина, он был всего лишь худеньким мальчиком, и это была не его вина.

Зима наступила раньше, чем в прошлом году, и была еще холоднее, еды не хватало, и Гарри замерз. Он давно потерял свои ботинки, ходил в них до тех пор, пока они однажды не свалились с его ног, и боялся, что от холода лишится пальцев.

Все его тело онемело, системы, казалось, отключились - он почти ничего не чувствовал, и все происходило медленнее, чем должно быть. Его спасением стала заброшенная хижина в глуши. Она выглядела как старая охотничья хижина, но у нее была крыша, а внутри не было снега.

Гарри спрятался внутри и возблагодарил свои счастливые звезды, когда нашел в шкафу старое заплесневелое одеяло. Оно пахло затхлостью, ему было несколько десятков лет, но Гарри было все равно: это был еще один слой защиты от пронизывающего ветра и неумолимого снега, и он плотно обернул его вокруг своего худого тела, дважды накиннув на себя, прежде чем забиться в угол и поспать несколько часов.

Гарри проснулся посреди ночи от странного ощущения. Его лихорадило, он почти сходил с ума, и внутри него поднимался страх, когда он почувствовал под кожей своего волка. Это было не полнолуние, что же делал его волк? Неужели именно так чувствовал себя Ремус, когда укусил его? Неужели его волк был так близко к поверхности, что был заразен, когда он укусил его в тот день?